

26 НОЯ 1962.

После гастролей

Закончились гастролы «Нью-Йорк Сити балета», руководимого Джорджем Баланчиным. Воспитанник и продолжатель традиций русской балетной школы, Джордж Баланчин по праву считается на Западе одним из крупнейших композиторов танца, одним из интереснейших изыскателей новых хореографических форм, в основном бессюжетных и полусюжетных балетов. Из репертуара трех программ хочется выделить четыре произведения: «Серенаду» Чайковского, «Симфонию домажор» Бизе, «Агон» Стравинского, «Блудного сына» Прокофьева. «Серенада» — романтическая миниатюра, поставленная в духе чистой классики, со скульптурными композициями, с нежно очерченными линиями рисунка. Примечательно, что балетмейстер вкладывает волевое начало в поэтические образы призрачно-воздушных девушек, менее активизируя исполнителей мужских партий.

«Симфония домажор» получила всеобщее признание. Тончайшее слияние движений с музыкой, полифоническое звучание танцевальных композиций, неповторяющийся абрис построения подводят это хореографическое произведение, также как и «Серенаду», к неувядающим образцам мировой балетной классики. Полной противоположностью является «Агон». Можно со всей убежденностью сказать, что его фактура антимелодична и совершенно не танцевальна. Но, верный своим принципам делать музыку «зримой» (я бы сказала и «ощутимой»), Баланчин подчеркнуто острым графическим рисунком, чрезвычайно изобретательно усложненными движениями поднимает музыку Стравинского «до звучания». Интересна мысль постановщика — по мере постепенного облегчения тяжелого, неудобного костюма происходил процесс нарастающего усложнения рисунка и движений танца.

Изоощренный вкус, владение богатейшим арсеналом движений помогает Баланчину огибать «подводные рифы». И, если в его композициях порой создается положение, в какой-то мере нарушающее общепринятые законы гармонии — то следующее неожиданное его разрешение всегда логично, подобно новеллам О. Генри, и пластически оправдано. В сюжетном балете из трех картин «Блудный сын» — совсем иные тона, особый танцевальный язык. Здесь жест скуп и лаконичен. Запоминается почти неподвижная фигура отца. Ярким выражением творческого замысла балетмейстера является

вторая картина балета. Танец оболыщения Сирены носит налет мертвящего холода, он отмечен чертами библейской фантастики, в нем что-то отдаленно напоминает картину пляски Иродиады в гениальном рассказе Флобера, фреску руанского собора, изображающую танцующую Саломею в акробатической позе.

Размеры газетной статьи не дают возможности более углубленного анализа спектаклей «Нью-Йорк Сити балета». Но, как, кажется, и в других своих постановках Баланчин, не повторяя себя, продолжает путь расширения рамок и обогащения сокровищницы классического танца. Это в равной степени относится, как к вариациям из «Раймонды» Глазунова, так и к «Блестящему аллегро» Чайковского и к «Па-де-де» Мендельсона. Не чужда Баланчину и передача средствами танца национальных особенностей музыки, с внесением фольклорного аромата в классические движения.

Было бы несправедливо не упомянуть своеобразных хореографических находок Джерома Робинса («Игры» М. Гулда и, в особенности, «Фанфары» Б. Бриттена), тяготеющего к «американизированному», несколько спортивно-урбанистическому стилю.

На большой высоте работа дирижеров — Роберта Ирвинга и Хьюга Фиоранто. Немалая лепта в создании целостности гастрольных спектаклей принадлежит художнику по свету Джинву Розенталю и художнику по костюмам Варваре Каринской.

Несомненно, первым и основным компонентом этого большого искусства является выпестованная Баланчиным балетная труппа. Мне бы не хотелось повторяться, но, думается, что именно принцип художественного «равноправия», где нет первых, но каждый из равных может быть первым, стимулировал развитие такой высокой сценической культуры.

Не вдаваясь в размышления относительно некоторых стилистических особенностей, соотношения содержания и формы в творчестве Баланчина, (что, опять-таки, неуместно в рамках небольшой статьи), мы воздаем должное огромному таланту замечательного хореографа-композитора, его блестящей музыкальной образованности, почти энциклопедической профессиональной эрудиции в создании яркого, праздничного искусства.

Лили ГВАРАМАДЗЕ,
народная артистка
Грузинской ССР.